

Хроника последних лет Императорского Московского университета

САВИН А. Н. (2015) УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ДЕЛА: ДНЕВНИК 1908–1917 / ОТВ. РЕД. А. К. ГЛАДКОВ;
ПУБЛ., ВСТУП. СТ. А. В. ШАРОВОЙ. М., СПБ.: ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИНИЦИАТИВ. 524 С. (СЕРИЯ
«MEDIAEVALIA».) ISBN 978-5-98712-524-3

Андрей Тесля

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии
социально-гуманитарного факультета Тихоокеанского национального университета
Адрес: ул. Тихоокеанская, д. 136, г. Хабаровск, Российская Федерация 680035
E-mail: mestr81@gmail.com

Александр Николаевич Савин (1873–1923) — видный русский историк, специалист по тюдоровской Англии, ученик П. Г. Виноградова, однокурсник Ю. В. Готье¹, оставившего воспоминания о его студенческих годах², младший коллега Д. М. Петрушевского, учитель Е. А. Косминского и (в меньшей степени) С. Д. Сказкина. Уже одного этого более чем достаточно, дабы вызвать интерес исторической корпорации к его дневникам, однако их ценность определяется не столько историей российской медиевистики, сколько огромным материалом по истории Московского университета с 1908 по 1917 год.

Изданных профессорских дневников, мемуаров и некрологов, освещающих данный период, немало. Так, сравнительно недавно вышли в свет дневники коллеги А. Н. Савина по историко-филологическому факультету М. М. Богословского³, а дневник Ю. В. Готье⁴ подхватывает записи Савина там, где они обрываются: если последняя дата, проставленная Савиным, — 4 сентября 1917 г. по старому стилю, то Готье начинает «Слово о гибели Русской земли» с 8 июля того же года. Дневник

© Тесля А. А., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-2-234-239

* Исследование выполнено в рамках работ по гранту Президента РФ № МК-5033.2015.6 «Формирование украинского национализма: между Польшей и Москвой (1840–1900-е гг.)»; научно-исследовательской работы в рамках международного научно-образовательного сотрудничества по программе «Иммануил Кант» по теме: «Федералистские проекты в истории русской и украинской общественной мысли XIX века», № 28.686.2016/ДААД.

1. Готье Юрий Владимирович (18(30) июня 1873 — 17 декабря 1943) — российский и советский историк, академик.

2. Готье Ю. В. (1923). А. Г. Савин // Голос минувшего. № 2. С. 183–187.

3. Богословский М. М. (2011). Дневники. 1913–1919. Из собрания Государственного Исторического музея / Отв. ред. С. О. Шмидт; вступ. ст. С. О. Шмидта; публ. и коммент., биогр. справка Е. В. Неберекутиной и Т. В. Сафроновой. М.: Время.

4. Готье Ю. В. (1997). Мои заметки / Подготовка к изданию Т. Эммонс, С. Утехин. М.: Терра.

Савина, однако, и в череде профессорских дневников — редкое явление, поскольку сфокусирован практически лишь на университетских делах. Если сравнить его с другими объемными академическими дневниками последней трети XIX — первых десятилетий XX в., например, А. Ф. Кистяковского⁵, А. Е. Преснякова⁶, М. М. Богословского или Б. В. Никольского⁷, то следует сразу же зафиксировать ряд отличий.

Во-первых, это дневник исключительно тематический. Савин заносит в него только то, что относится к университету, обстоятельства общероссийской или московской жизни в него практически не попадают, они появляются только в военные годы, когда автор сетует на ничтожность университетской жизни по сравнению с происходящими вокруг событиями. Так, 24 января 1917 г. он начинает запись словами: «Мне прямо тягостно писать. До такой степени малы теперь университетские дела. С насилем над собой записываю, что Вормс вернулся в „казенный“ университет и будет читать лекции по гражданскому праву...» (с. 430), а 11 марта того же года, после кратких известий о событиях в Петрограде и положении на фронте, отмечает: «На этом грозном фоне высшие учебные заведения кажутся подробностью. Но все-таки запишу коротко несколько слов» (с. 437).

Такого рода суждения заставляют усомниться в несколько прямолинейном предположении А. В. Шаровой о концептуализации дневника А. Н. Савиным, которая пишет: «Не так часто приходится сталкиваться с тем, что источник личного происхождения целенаправленно создается, будучи посвящен одной-единственной теме» (с. 12). 25 октября 1913 г. Савин фиксирует: «Я ничего не пишу здесь о русском политическом положении, потому что я вовсе не занимаюсь политикой» — и далее: «Но не могу не отметить в качестве простого наблюдателя, что положение делается неустойчивым, если не прямо тревожным, и что смута идет гораздо больше справа, чем слева» (с. 308–309). До событий последних лет высшие учебные заведения не казались Савину «подробностью», да и в обстановке весны 1917 г. подобная оценка университетов для него самого — лишь кажимость. Он убежден не только в их высокой ценности, но и в самооценности, самостоятельности интереса — вносимые им в дневник сведения если и есть результат самоцензуры, то, во всяком случае, не концептуального замысла. Личное и политическое отпадают не потому, что автор себя целенаправленно ограничивает, ставит препятствие собственной воле, а потому, что это лежит за пределами его внимания, для них существуют другие пространства выражения.

Примером такого рода дневника являются записи другого московского профессора, бывшего ректора и в дальнейшем попечителя Московского учебного

5. Кистяківський О. Ф. (1994). Щоденник (1874–1885). У 2 тт. / Предмова І. Л. Бутича; примітки, покажчики, словник рідковживаних слів і термінів, список скорочень В. С. Шандра; упорядники В. С. Шандра (ст. упорядник), М. І. Бутич, І. І. Глизь, О. О. Франко. Київ: Наукова думка.

6. Пресняков А. Е. (2005). Письма и дневники. 1887–1927 / Руководитель проекта и отв. ред. А. Н. Цамутали; подгот. текста Т. Н. Жуковской и Д. Н. Лепина при участии А. В. Антощенко и Е. А. Ростовцева; коммент. и указ. им. Т. Н. Жуковской и Б. С. Кагановича. СПб.: Дмитрий Буланин.

7. Никольский Б. В. (2015). Дневник. 1896–1918. В 2-х т. / Изд. подгот. Д. Н. Шилов, Ю. А. Кузьмин. СПб.: Дмитрий Буланин.

округа и министра народного просвещения, Н. П. Боголепова⁸. Как у Савина, Боголепов заносит в тетрадь лишь то, что относится к жизни университета, — из сопоставления этих текстов можно видеть, насколько в действительности университет выступает автономным пространством, независимо от действующего устава. Без существенных затруднений он превращается в самостоятельный объект описания, со своей внутренней логикой и ограниченными зонами внешних воздействий и контактов (в рамки этих «воздействий» попадает и студенчество — в обоих дневниках оно лишь «учащиеся»).

Во-вторых — и здесь аналогом могут служить дневник А. Ф. Кистяковского с подробным описанием повседневной жизни Университета св. Владимира или недавно опубликованные письма его коллеги В. И. Модестова⁹, — университет для Савина тождественен профессорской корпорации. Он начинает вести свои записи с избрания в экстраординарные профессора по кафедре всеобщей истории, подробно описывая процедуру и вхождение в корпорацию (первое присутствие в университетском совете, обсуждение и т. д.), а также разочарование от столкновения с повседневностью:

Первое мое впечатление было такое, что на совете, к которому приват-доценты относятся с известного рода ироническим благоговением, ибо это святая святых, куда их в Москве никогда, даже в разгар революций, не пускали, это впечатление было неблагоприятно. Мало торжественности. Я разочаровался. Правда, дела заседания (за исключением выборов П. Г. Виноградова) были не важные. Как бы то ни было, плохо слушают, разговаривают друг с другом, иногда голосуют, совершенно не зная, о чем идет речь. И это несмотря на то, что ректор А. А. Мануйлов превосходный председатель и по общим отзывам строго держит совет. (С. 27)

Напряжение между младшими преподавателями (организовавшими в 1905 г. свой союз) и профессурой вновь выйдет наружу в 1917 г., о чем еще успеет записать Савин и что обстоятельно с профессорской точки зрения будет фиксировать в дальнейшем Готье.

При всем многообразии затрагиваемых Савиным университетских дел четыре предмета находятся в неизменном фокусе внимания: совет университета, совет историко-филологического факультета и связанные с ним защиты диссертаций; и министерская политика (примечательно, что политика министерства в отношении иных университетов находится на периферии внимания, за исключением лишь Петербургского — по последнему можно судить, чего ожидать и чего опасаться или на что надеяться).

8. [Боголепов Н. П.] (1913). Страница из жизни Московского университета. Из записок профессора Н. П. Боголепова // Русский архив. Т. СХLI. Вып. 1. С. 8–86.

9. Модестов В. И. (2014). Воспоминания, письма / Сост. А. Е. Иванов, В. С. Шандра; коммент. А. Е. Иванов, А. И. Любжин, В. С. Шандра, именной указатель А. И. Любжин, В. С. Шандра. М.: Принципиум.

Но при всем многообразии тем и вопросов, освещаемых Савиным, один сюжет оказывается центральным — уход большой группы профессоров и доцентов Московского университета в феврале 1911 г. (так называемый «кассовский погром»), который останется постоянной проблемой университетской жизни вплоть до 1917 г. Не снимет ее и возвращение ушедших, поскольку сохранится водораздел теперь между «вернувшимися», «оставшимися» и пришедшими в университет за этот шестилетний промежуток, — возвращающиеся поставят университету ультиматум, потребовав отставки всех, кто занял должности с февраля 1911 г. не по выборам (т. е. министерским назначением), и университет в обстановке 1917 г. будет вынужден удовлетворить его, начав «ревизию» своего состава. Савин неоднократно отмечает, что «примирения» так и не состоялось, «вернувшиеся» придут с желанием отомстить и теперь уже самим единовластно руководить университетом, образовав большинство за счет соглашения с частью «оставшихся [в 1911]». Конфликт окажется исчерпан лишь в 1918 г., когда возникнет новая угроза — теперь уже противостояния новым властям с их планами (весьма разноречивыми) преобразования университетской жизни со ставкой на младших преподавателей.

Автор дневника, вначале весьма сочувственно отнесшийся к коллективной отставке руководства университета (ректора А. А. Мануйлова, помощника ректора М. А. Мензибра и проректора П. А. Минакова) и последовавшей волне прошений об отставке, поданных поддержавшими их профессорами и приват-доцентами¹⁰, в скором времени дистанцируется от отставников, мотивируя это для себя следующим образом:

...я считаю глубоким и вредным заблуждением мнение некоторых подавших в отставку (я это мнение не слышал, знаю о нем лишь по слухам), будто мы возвращаемся к положению 1903–1904 года. По моему мнению, Россия еще далека от сильного революционного движения, хотя правительственная политика сильно способствует усилению и распространению политического недовольства. А сверх того, я вообще считаю вредной для университета связь между политикой и университетом. Я хорошо знаю, что эта связь неизбежна, но неизбежное зло остается злом. И по моему мнению, долг университетского преподавателя по мере сил ослаблять эту связь. Вот почему, даже помимо эгоистических побуждений самосохранения, подача прошения об отставке представляется мне вещью далеко не бесспорной: при теперешних обстоятельствах подача прошения, несомненно, приобрела в глазах правительства и его сторонников привкус политической манифестации. Между тем как в глазах огромного большинства подающих профессоров это исполнение нравственного, товарищеского долга, изъявление готовности подать вместе с товарищами-профессорами и только, без всякой политической примеси. Как тяжело жить в этой роковой и безвыходной смуте и путанице! (С. 151–152, записи от 12 февраля 1911 г.)

10. *Ростовцев Е. А.* (2012). 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Петербургский университет) // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Издательский дом СПбГУ. С. 473–507.

Чуть позже, после того, как оставшийся в университете Савин столкнется с резко неприязненным отношением к нему части ушедших коллег, с которыми он вместе будет продолжать преподавать на Высших женских курсах, он запишет куда определеннее, аттестовав «дело Кассо» как неудавшуюся политическую демонстрацию: «А ведь среди московских профессоров, уходивших в феврале в отставку, несомненно, были люди, мечтавшие одолеть министерство в университетском вопросе. Выборгское воззвание их ничему не научило; в своей малой области они повторили своих предшественников 1906 года и... разделят их участь» (с. 181, запись от 25 мая 1911 г.).

Дальнейшие далеко не всегда лицеприятные оценки действий и процессов, происходивших среди «отставников»¹¹, обнаруживших ту же партийность, которую осуждали в коалиции «правых» профессоров (см., например, с. 314, запись от 4 декабря 1913 г.), не приводили, однако, Савина к более терпимому отношению к министерской политике, расценивавшей им как направленной на разрушение внутрикorporативной солидарности и поощрявшей тех, кто был готов действовать в обход принятых университетских процедур и коллегиальных обычаев. О меняющихся настроениях достаточно «правого» в своих взглядах М. К. Любавского, избранного после событий февраля 1911 г. ректором Университета, Савин писал:

После советского заседания [3 мая 1914 г.] я иду с ректором [М. К. Любавским] по университетскому двору. И он, этот смиреннейший любоначалник, против которого не голосовали ни черные, ни касьяновцы, горько жалуется на теперешнее растление профессорских нравов, на доносчиков Станкевича и Плотникова, на присоединившуюся к ним «баранью голову» Челинцева; ректор не меньше бранит и старика Соколова. А в советской зале октябрист Лопатин, друг Огнева, в разговоре со мною поносит Станкевича и жалуется на неслыханное разложение правительственной среды, грозящее России великими бедствиями. Если таким языком заговорили такие люди, то какова же должна быть глубина той позорной ямы, в которую мы постепенно скатились. Становится так нестерпимо душно, что даже очень робкие люди начинают желать свежего грозового ветра, громовых раскатов возмездия насильникам и их приспешникам, или, по крайней мере, начинают бояться недалекой бури. Недовольство растет. Но пока все еще совсем тихо. (С. 342, запись от 4 мая 1914 г.)

Понятно, что университетская повседневность при близком рассмотрении весьма далека от парадного портрета — и девять лет жизни Московского университета, регулярно фиксируемые в хронике Савина, преимущественно состоят из деловых дразг, обсуждения смет, внимательного наблюдения за тем, чтобы

11. Например, инициированное отставниками газетное противопоставление успехов Коммерческого института (возглавляемого П. И. Новгородцевым) Университету как пример свободного, общественного учебного заведения — при забвении о том обстоятельстве, что институт является учебным заведением Министерства торговли и промышленности и если уж что здесь возможно противопоставлять, так это разные ведомственные порядки (с. 277, запись от 12 января 1913 г.).

младший по выслуге лет не обошел в чинах и званиях, и т. п. Но одновременно хроникальные записи Савина демонстрируют и другое, то, что давало основания для торжественного облика университета, — высокие корпоративные научные стандарты, отделение личных отношений от профессиональных, строгость исследовательских принципов. Политика была неотделима от университетской жизни — вытесненная с улицы, она мало где могла поместиться — и университет традиционно был одним из них. При этом для всех основных фигур университетской жизни при различии взглядов и подходов было очевидно, что основание их статуса — неполитическое, и только сохраняя автономную академическую иерархию, они могут конвертировать ее в политическое влияние, в том числе работающее на устранение политики из университета.

The Chronicle of Last Years of the Imperial Moscow University

Andrey Teslya

Associate Professor, School of Social Studies and Humanities, Pacific National University

Address: Tihookeanskaya Str., 136, Khabarovsk, Russian Federation 680035

E-mail: mestr81@gmail.com

Review: Alexander Savin, *Universitetskie dela: dnevnik 1908–1917* [University Routines: The Diary, 1908–1917] (Moscow, Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2015) (in Russian).